

Р.М. Асейнов

ОБРАЗ ФИЛИППА ДОБРОГО В ВОСПРИЯТИИ БУРГУНДСКИХ ПРИДВОРНЫХ ХРОНИСТОВ¹

В статье рассматриваются основные черты образа герцога Филиппа Доброго в сочинениях бургундских придворных авторов второй половины XV в. Особое значение придается акцентированию авторами тех его качеств, которые позволяют прояснить их собственную политическую позицию и принадлежность к той или иной политической группировке при бургундском дворе.

Ключевые слова: история Средних веков, Франция, Бургундское герцогство, Филипп Добрый

Любой двор монарха в Средние века² являлся не только политическим центром государства, местом, где была сосредоточена правящая элита и крупная аристократия, но также и культурным центром³. Двор, при котором творили живописцы, поэты, музыканты и представители других искусств, определял основные тенденции развития культуры, диктовал нормы поведения, моду. Бургундский двор⁴ выделялся на фоне

Асейнов Ренат Меулетович, кандидат исторических наук, старший редактор редакции Всеобщей истории Большой Российской энциклопедии.

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), исследовательский грант 13-01-00101а.

² В отечественной историографии проблематика монаршего двора стала активно изучаться благодаря усилиям научной группы «Власть и общество» под руководством Н.А. Хачатурян. За последние 10 лет появилось несколько коллективных монографий, затрагивающих различные аспекты жизни двора. См., например: Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель среда. М.; СПб., 2001; Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. М., 2004; Священное тело короля: Ритуалы и мифология власти. М., 2006; Королевский двор в Англии XV-XVII веков. СПб., 2011. Об изучении темы двора в медиэвистике см.: Хачатурян Н. А. Проблемы и перспективы в изучении темы королевского двора // Хачатурян Н. А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008. С. 228-238.

³ См.: Хачатурян Н. А. Придворная культура: параметры явления // Придворная культура в эпоху Возрождения (в печати).

⁴ Историография Бургундского двора, в том числе придворной культуры, достаточно обширна. См., например: *Paravicini W.* The Court of the Dukes of Burgundy. A Model for Europe? // *Princes, Patronage and the Nobility. The Court at the Beginning of the Modern Age c. 1450-1650.* Oxford, 1991. P. 69-102; «A l'heure encore de mon écrire». *Aspects de la littérature de Bourgogne sous Philippe le Bon et Charles le Téméraire.* Louvain-la-Neuve, 1997; *A la Cour de Bourgogne. Le duc, son entourage, son train.* Turnhout, 1998; *La cour de Bourgogne et l'Europe: Le rayonnement et les limites d'un modèle culturel.* Ostfildern, 2013; *Staging the Court of*

дворов других европейских государей не только своей роскошью и богатством. Именно двор герцогов Бургундских стал местопребыванием многих из наиболее крупных и известных представителей французской культуры позднего Средневековья. В настоящей статье хотелось бы обратить внимание как раз на тех, кто составлял так называемую «бургундскую школу» не только в историографии, но и в письменной культуре в целом. При этом нас будет интересовать в первую очередь вопрос о восприятии ими герцога Филиппа Доброго, с которым связывают период наивысшего подъема (как политического, так и культурного) Бургундского государства.

«Я не знал ни одной другой сеньории или страны, которая бы при всех равных условиях и даже будучи гораздо большей по размерам, столь же изобиловала богатством – движимостью и постройками, где бы столь же расточительно тратились деньги и устраивались богатые празднества и пиршества, как в этой стране в то время, когда я там жил»¹. Так написал в своих «Мемуарах» Филипп де Коммин о Бургундском государстве, процветавшем, по его мнению, 120 лет, из которых почти полвека приходилось на правление Филиппа Доброго (1419-1467). По мнению французского исследователя Ж. Бланшара, воспоминание о времени этого процветания и счастья является лейтмотивом произведения Коммина², связавшего свою судьбу со службой французскому королю. Третий герцог Бургундский из династии Валуа не только значительно расширил владения Бургундского дома. При нем Бургундия превратилась в одно из ведущих политических образований на карте Европы, а двор герцога смог затмить дворы королей и императора. Филипп Добрый привлекал на службу крупнейших художников и музыкантов эпохи, устраивал грандиозные празднества и рыцарские турниры, а о его богатстве и щедрости ходили легенды. Поэтому неудивительно, что образ Великого герцога Запада ассоциировался у современников с благополучием и процветанием Бургундии и вызывал живой интерес у исследователей. Впрочем, монографических работ, посвященных Филиппу Доброму, не так много. Последней попыткой наиболее полно проанализировать все аспекты политической и экономической истории Бургундского государства при Филиппе Добром

Burgundy. Turnhout, 2013. См. также материалы ежегодных конференций Европейского центра бургундских исследований: Publications du Centre européen d'Etudes bourguignonnes (далее – РСЕЕВ).

¹ Коммин Ф. де. Мемуары. М., 1986. С. 185.

² Blanchard J. Philippe de Commines. P., 2006. P. 20-25.

стала книга Р. Воэна, появившаяся в 1970 г.¹ Именно Воэн, в отличие от других историков, оказался достаточно критичен в отношении результатов правления герцога. За пышностью двора он сумел разглядеть существенные просчеты в политике Филиппа Доброго и сделал неутешительный вывод о неудачных для Бургундского государства итогах его правления.

Однако современникам все казалось совершенно иным. Попробуем выделить основные мотивы в восприятии бургундскими придворными (историками, поэтами и государственными деятелями)² Филиппа Доброго – его личных качеств, политики.

Для политической мысли позднего Средневековья характерно особое внимание, уделяемое авторами персоне правителя. По всеобщему убеждению, именно от государя в конечном итоге зависела судьба его подданных, способность государства противостоять трудностям, вызываемым внутренними конфликтами и внешней агрессией³. Следовательно, фигура монарха, его личные качества и способности стали преобладающей темой в политических концепциях.

В сочинениях бургундских придворных авторов можно найти портреты практически всех европейских правителей XV в., но главным образом их внимание останавливалось на персонах герцогов Бургундских и королей Франции, что отражало политическую ситуацию, в которой тогда находилось Бургундское государство. Само отношение авторов к тем или иным

¹ *Vaughan R. Philip the Good. The Apogee of Burgundy. L., 1970.* Переиздание этого труда Р. Воэна (Woodbridge, 2002) снабжено обстоятельным историографическим очерком Г. Смола, в котором указаны все появившиеся с 1970 г. работы, относящиеся к периоду правления Филиппа Доброго. Из более ранних трудов см.: *Bonenfant P. Philippe le Bon. Bruxelles, 1943* (переиздано вместе с некоторыми статьями: *Bonenfant P. Philippe le Bon. Sa politique, son action. Bruxelles, 1996*); *Huizinga J. La Physionomie morale de Philippe le Bon // Annales de Bourgogne. 1932. Т. 4. P. 101-129.* Книга Э. Бурассена о Филиппе Добром (*Bourassin E. Philippe le Bon, le grand lion de Flandres. P., 1983*), несмотря на любопытные детали из жизни герцога и двора, является достаточно популярным очерком. Кроме названных работ, есть также главы об эпохе Филиппа Доброго в общих работах по истории Бургундского государства: *Prevenier W., Blockmans W. The Burgundian Netherlands. Cambridge, 1986*; *Schnerb B. L'Etat bourguignon 1363-1477. P., 1999*; *Prevenier W., Blockmans W. The Promised Lands. The Low Countries under Burgundian Rule, 1369-1530. Philadelphia, 1999*; *Brown A. The Valois dukes of Burgundy. Oxford, 2002.*

² Большинство этих авторов принадлежали к так называемой «бургундской школе» историков, если использовать термин, предложенный Огюстом Молинье (см.: *Molinier A. Les sources de l'histoire de France des origines aux guerres d'Italie. P., 1904. P. 186*). О ней см.: *Асейнов Р.М. Историческая культура при дворе герцогов Бургундских: к вопросу о «бургундской школе» // Придворная культура в эпоху Возрождения.*

³ Подробнее об образе идеального государя в позднее Средневековье см.: *Krynyn J. Idéal du prince et pouvoir royal en France à la fin du Moyen Age (1380-1440). P., 1981. P. 54, 71, passim.*

государям также диктовалось этой политической действительностью, их целями или собственными пристрастиями, несмотря на частые упоминания о творческой независимости. Впрочем, очевидная ангажированность не мешала им в определенные моменты критиковать герцогов, исходя из более важных соображений, чем простая преданность своему господину¹.

Бургундская литература изобилует трактатами, панегириками и историческими сочинениями, посвященными Филиппу Доброму. К тому же все бургундские хроники XV в. так или иначе охватывают время его правления, а значит, дают оценку этому герцогу. В настоящей статье хотелось бы остановиться на сочинениях панегирического характера – отдельных или включенных в текст хроник и мемуаров. Таковыми являются трактаты «Книга о добродетелях герцога Бургундского и Брабантского Филиппа» («*Liber de virtutibus Philippi Burgundiae et Brabantiae ducis*») Жана Жермена², «Восхваление подвигов и славных деяний герцога Филиппа, который называл себя великим герцогом и великим львом» («*Déclaration de tous les hauts faits et glorieuses adventures du duc Philippe de Bourgogne, celui qui se nomme le grand duc et le grand lyon*») Жоржа Шатлена³, «Трон чести» («*Le trosne d'honneur*») Жана Молине⁴, а также отрывки из «Истории Золотого руна» Гийома Фийатра⁵, «Мемуаров» Оливье де Ла Марша⁶, «Мемуаров» Филиппа де Коммина и «Древностей Фландрии» Филиппа Виланта⁷. Три первых автора посвятили Филиппу Доброму отдельные произведения. Жермен в 1451 г. на капитуле Ордена Золотого руна в Монсе преподнес графу Карлу де Шароле (будущему герцогу Карлу Смелому) книгу о добродетелях отца⁸, призывая юного наследника бургундского престола следовать его примеру. С той же целью Шатлен написал трактат о деяниях Филиппа Доброго, но уже через несколько месяцев после его смерти (лето 1467 г.). В «Обращении к герцогу Карлу» он снова будет апеллировать к образу Филиппа Доброго, чтобы наставить нового правителя в добродетели⁹. Жан Молине откликнулся на смерть герцога прозиметром «Трон че-

¹ См.: Асейнов Р.М. Субъективность в истории: образ автора в бургундских хрониках и мемуарах // Историческая память в культуре эпохи Возрождения. М., 2012. С. 184-206.

² *Chronique relatives à l'histoire de la Belgique (Textes latins)* / Ed. J. Kervyn de Lettenhove. Bruxelles, 1876. P. 1-115.

³ *Chastellain G. Œuvres*. Bruxelles, 1863-1865. Vol. 7. P. 213-236.

⁴ *Molinet J. Faictz et Dictz*. P., 1936-1939. Vol. 1. P. 45-58.

⁵ *Guillaume Fillastre D.J. Ausgewählte Werke*. Ostfildern, 2003. S. 268-302.

⁶ *La Marche O. de. Mémoires*. P., 1883-1888. 4 vols.

⁷ *Wielant Ph. Recueil des antiquités de Flandre* // *Recueil des Chroniques de Flandr*. Bruxelles, 1865. T. 4. P. 52-57.

⁸ *Die Protokollbücher des Ordens vom Goldenen Vlies*. Stuttgart, 2001. Bd. 1. S. 105.

⁹ Асейнов Р.М. Образ государя в «Обращении к герцогу Карлу» Ж. Шатлена // Власть, общество, индивид в средневековой Европе. М., 2009. С. 398-422.

сти» (1467), в котором высказал мысль о том, что благодаря своим добродетелям Филипп Добрый восходит на трон чести¹. Что же касается четырех последних авторов, то они включили панегирики или рассуждения о Филиппе Добром (причем достаточно компактно) в свои основные труды, при этом время написания этих текстов разнится. Если «История Золотого руна» Фийатра относится к началу 1470-х гг. (автор умер в 1473 г.), то главы из «Мемуаров» де Ла Марша и введение, в которых он говорит о Филиппе Добром, были написаны во второй половине 1480-х – 1490-е гг. Труд Виланта относится, по-видимому, к началу XVI в.

У данной статьи нет цели осветить все добродетели, приписываемые Филиппу Доброму. Многие из них традиционно указывались применительно ко всем государям². В первую очередь хотелось бы обратить внимание на те из них (безусловно, важные и с точки зрения хронистов, и на наш взгляд тоже), которые позволяют прояснить политическую позицию рассматриваемых авторов, выявить их симпатии и антипатии, что позволило бы продемонстрировать наличие различных взглядов при бургундском дворе. Какие именно качества правителя они выносят на первый план, что превозносят, а что, наоборот, осуждают? Эти порой небольшие и краткие указания помогают судить о причинах, побудивших того или иного автора взяться за написание конкретного сочинения, об их принадлежности к одной из групп при бургундском дворе. Это тем более важно, что большинство подобных сочинений были написаны уже после смерти герцога, в правление его сына Карла Смелого, или даже после гибели последнего. Данный факт придает суждениям авторов еще больший интерес. Да и само описание образа Филиппа Доброго почти всегда идет в сравнении с образом Карла Смелого. Кроме того, выделяя то или иное качество герцога, авторы иногда дают возможность исследователям отметить некоторые особенности придворной жизни в эпоху двух последних герцогов Бургундских из династии Валуа.

Однако Филиппа Доброго сравнивали не только с сыном, но и с другими государями той эпохи. Как не вспомнить знаменитую «Галерею

¹ Все девять небес, которые минует Филипп Добрый на пути к трону чести, олицетворяют его добродетели, причем каждая из них соответствует одной из букв его имени – Philippus. Например, первое небо – Prudence («благоразумие»).

² Ж. Кринен отмечает, что почти во всех зеркалах государя перед читателем предстает один и тот же идеальный образ правителя – благочестивого, смиренного, мудрого, благо-разумного, смелого, справедливого и щедрого (*Krinen J. Idéal du prince et pouvoir royal en France. P. 54*).

принцев» из хроники Шатлена¹? Без сомнения для нас наибольший интерес представляет сравнение герцога с французскими королями.

Оливье де Ла Марш, описывая двор Карла Смелого, заметил, что первой обязанностью государя является служение Богу². В этом плане все авторы отмечают необыкновенную набожность Филиппа Доброго. Молине в «Троне чести» проводит герцога по двум небесам, получившим названия Истина (Verité), олицетворяемая Церковью, и Исключительность благодати (Singularité de grace)³. По словам Шатлена, герцог «служил Богу и страшился его, особо почитал Богоматерь»⁴. Герцог много часов проводил в молитвах, как пишет Фийатр, заказывал мессы во многих храмах, раздавал милостыню⁵. Ему вторит и первый официальный историограф, указывающий, что Филипп Добрый любил давать милостыню щедро, причем тайно⁶. Также Шатлен сообщает, что герцог основал много храмов, в том числе на Святой земле, в Иерусалиме. Иными словами, поступки Филиппа Доброго соответствовали тому, что полагалось делать истинному христианскому государю. Его благочестие, естественно, не ограничивается тем, что указали наши авторы. Французский историк Б. Шнерб посвятил весьма обстоятельное исследование свойственным герцогу проявлениям благочестия, о которых умалчивают авторы в рассматриваемых нами сочинениях. Среди них – паломничества, щедрые пожертвования монастырям и церквям, почитание святых, в том числе покровителей французского королевского дома.

Одной из ключевых тем в характеристике герцога является защита церкви и христианства. Идеальный государь должен выполнять свои обязанности перед Богом и церковью, поэтому Жан Жермен именно с этой добродетели начинает свой трактат⁷. В период Великой схизмы данный факт становился особенно важным в характеристике правителя. С этой точки зрения, герцоги Бургундские представлялись в очень выигрышном свете. У Шатлена Филипп Добрый выступает как единственный защитник папского престола во время трудностей, связанных с соборным движением⁸. Особое рвение проявлял герцог и в освобождении Святой

¹ *Chastellain G. Œuvres. Vol. 2. P. 151-189.*

² *La Marche O. de Mémoires. Vol. 4. P. 2.*

³ *Molinet J. Faictz et Dictz. P. 53-55.*

⁴ «...servoit Dieu et le craignoit; fort devot a Nostre Dame». *Chastellain G. Œuvres. Vol. 7. P. 222.*

⁵ *Guillaume Fillastre D.J. Ausgewählte Werke. S. 292.*

⁶ *Chastellain G. Œuvres. Vol. 7. P. 222.*

⁷ *Jean Germain. Liber de virtutibus. P. 5-6.*

⁸ *Chastellain G. Œuvres. Vol. 7. 217; Vol. 2. P. 220.*

земли¹, в его политике важное место занимала организация крестового похода против турок². Эта неудавшаяся затея послужила все же отличным поводом для восхваления герцога, позволяя противопоставить его другим государям, пренебрегшим делом защиты церкви. Шатлен вкладывает даже в уста Карла VII похвалу Филиппу Доброму. Король, узнав о намерении герцога, отметил, что последний является самым уважаемым принцем из всех³, что, впрочем, не мешало ему препятствовать осуществлению этого плана. Трактат Жана Жермена практически целиком преследовал цель обосновать крестоносные амбиции Филиппа Доброго, показать его единственным защитником христианства. Следствием этого стало включение в текст рассказа о посольствах Жоффруа де Туази, об осаде мамлюками Родоса в 1444 г.⁴ Первый канцлер Ордена Золотого руна не преминул воспользоваться случаем, чтобы продемонстрировать желание герцога отправиться на освобождение Святой земли, заручившись при этом поддержкой других государей, для чего к ним были отправлены посольства: к папе Николаю V во главе с Жаном де Круа, к королю Франции во главе с самим Жаном Жерменом и т.д.⁵. Жермен заканчивает свое сочинение рассказом о подавлении восстания в Генте в 1453 г., когда, по его мнению, уже ничто не мешает герцогу сосредоточиться на своей главной задаче – организации крестового похода.

У Оливье де Ла Марша только герцог Бургундский предстает защитником церкви, ибо остальные европейские государи не спешили прийти на помощь Византии⁶. Этот сюжет стал краеугольным камнем в восхвалении герцога во время банкета Фазана, одним из организаторов которого (впрочем, как и многих других придворных празднеств) являлся де Ла Марш⁷. Особое внимание зрителей и участников этого праздника было

¹ О почитании Святой земли см.: *Paviot J.* La dévotion vis-à-vis de la Terre sainte au XVe siècle. L'exemple de Philippe le Bon (1396-1467) // *Autour de la première croisade. Actes du colloque de Clermont-Ferrand (juin 1995)*. P., 1996. P. 401-411.

² См.: *Müller H.* Kreuzungspläne und Kreuzzugspolitik des Herzogs Philipp des Guten von Burgund. Göttingen, 1993; *Paviot J.* L'ordre de la Toison d'or et la Croisade // *L'Ordre de la Toison d'or de Philippe le Bon à Philippe le Beau (1430-1505). Idéal ou reflet d'une société?*. Bruxelles, 1996; *Idem.* *Les ducs de Bourgogne, la croisade et l'Orient (fin XIVe siècle–XVe siècle)*. P., 2004. Подробнее о рассуждениях бургундских хронистов о крестовом походе Филиппа Доброго см.: *Le Brusque G.* Une campagne qui fit long feu: le saint voyage de Philippe le Bon sous la plume des chroniqueurs bourguignons (1453-1464) // *Le Moyen Age*. 2006. T. 112 (3-4). P. 529-544.

³ *Chastellain G.* Œuvres. Vol. 3. P. 31.

⁴ *Jean Germain.* Liber de virtutibus. P. 70-75.

⁵ *Ibid.* P. 77-78.

⁶ *La Marche O. de.* Mémoires. Vol. 2. P. 205-206.

⁷ Об этом празднестве подробнее см.: *Хачатурян Н.А.* Светские и религиозные мотивы в придворном банкете «Обет фазана» герцога Бургундского в XV в. // *Королевский двор в*

обращено на тот факт, что герцог не является единственным правителем, к которому обратились за помощью: сначала это были император, французский король и т.д. Однако они, видимо, не выказали достаточного рвения в деле защиты веры, поэтому последовало обращение к Филиппу Доброму. Действительно, сам герцог направлял посольство к Карлу VII с целью убедить его совместно предпринять что-либо, чтобы помочь Византии, но безрезультатно¹. Таким образом, Филипп Добрый со своей давней мечтой о крестовом походе остался единственным защитником христианской веры и мира среди европейских государей. Тем более важным для него, как представляется, стала возможность во всеуслышание заявить о своем намерении и продемонстрировать этим свою преданность делу веры в отличие от других государей, стоящих выше него по титулу. Это служило укреплению позиций герцога не только внутри его государства, но и на международной арене².

В отличие от герцога «христианнейший» король Франции явился инициатором Буржской Прагматической санкции, сделавшей положение французской церкви более автономным и вызвавшей конфликт со Святым престолом³. Король не был, по мнению Шатлена, защитником церкви, как его предшественники⁴. Иными словами, Карл VII не оправдал надежд, возлагаемых на «христианнейшего» короля, заключавшихся как в защите церкви, так и в поддержании мира⁵. Наоборот, он стремился сеять раздор, в том числе и между ним самим и Филиппом Добрым, как это произошло в конфликте из-за Люксембурга⁶.

Известный французский медиевист Ж. Дюфурне в статье, посвященной образу Карла Смелого в бургундских хрониках, отметил, что одной из превозносимых черт герцога является его храбрость. Современники воспринимали его как доблестного рыцаря (*héro chevaleresque*)⁷. Однако не только в характеристике этого герцога преобладают подобного рода панегирики. Почти все сочинения, по-

политической культуре средневековой Европы. С. 177-199; *Le Banquet du Faisan*. 1454: l'Occident face au défi de l'Empire ottoman. Arras, 1997.

¹ *La Marche O. de*. Mémoires. Vol. II. P. 205-206.

² *Хачатурян Н.А.* Светские и религиозные мотивы. С. 177-199.

³ Об этом см., например: *Плешкова С.Л.* Французская монархия и церковь (XV – середина XVI в.). М., 1992.

⁴ *Chastellain G.* Chronique. Genève, 1991. P. 286.

⁵ *Small G.* George Chastelain and the Shaping of Valois Burgundy. Political and Historical Culture at Court in the Fifteenth Century. Woodbridge, 1997. P. 178.

⁶ См.: *Schneer B.* L'Etat bourguignon. P. 214-223; *Vaughan R.* Philip the Good. P. 274-285.

⁷ *Dufournet J.* Charles le Téméraire vu par les historiens bourguignons // Cinq-centième anniversaire de la bataille de Nancy (1477). Nancy, 1979. P. 67.

священные Филиппу Доброму, открываются перечислением его завоеваний. Читателю в деталях сообщают о том, как именно герцог расширял границы владений Бургундского дома, боролся с мятежниками и внешними врагами¹. Таким образом, Филипп Добрый также заслуживает восхваления как рыцарь. Этот факт вовсе не случаен, учитывая авторитет, которым пользовались рыцарские добродетели при бургундском дворе – оплоте рыцарской культуры в XV в. Поэтому именно смелость и мужество особенно ценились бургундскими историками в их государе, а противоположные качества, соответственно, считались пороками. На первое место среди качеств, необходимых для командования армией, Оливье де Ла Марш ставит храбрость (*vaillance*), т. к. «мужество (твердость духа), которое является исходной точкой храбрости, – главная из основных добродетелей»². Для него, как и для большинства современников, настоящий государь – это, прежде всего, доблестный рыцарь. Неслучайно трое из четырех герцогов Бургундских получили от современников прозвища, соответствующие главным, по мысли современников, их качествам – Филипп Храбрый (*Philippe le Hardi*), Жан Бесстрашный (*Jean sans Peur*), Карл Смелый (*Charles le Hardi*). Только Филипп Добрый был прозван иначе³, что, впрочем, нисколько не умаляет его достоинств как рыцаря. Как и остальные герцоги, он был храбр. Шатлен считает его «жемчужиной среди храбрых и звездой рыцарства», ибо он всегда заботился о своей чести, репутации храброго рыцаря, старался не отступать от давно сложившегося, но к этому времени почти изжившего себя рыцарского кодекса. По словам первого официального историка Бургундского дома, однажды герцог долго находился в раздумьях, не задета ли его честь тем, что он решил не ввязываться в очередное сражение с французами, хотя представлялся удобный случай для этого⁴. Жан Жермен сообщает о приготовлениях герцога к поединку с герцогом Глостером⁵, а Оливье де Ла Марш с восхищением расска-

¹ *Chastellain G. Œuvres. Vol. 7. P. 214-218; Guillaume Fillastre D. J. Ausgewählte Werke. S. 273-289; Jean Germain. Liber de virtutibus. P. 17-43, 61-68, 99-112.*

² «...car force de courage, qui est le principal point de vaillance, est la principale des vertus cardinales». *La Marche O. de Mémoires. Vol. 4. P. 53.*

³ Впрочем, как отмечает Й. Хейзинга, прозвище «Добрый» (*Bon*) сменило предыдущее – «Да будет стыдно тому [кто плохо об этом подумает]» (*Qui qu' en hongne*). См.: *Хейзинга Й. Осень Средневековья. М., 2002. С. 117.* О прозвищах герцогов также см.: *Асейнов Р.М. Роль прозвища в характеристике государя в сочинениях бургундских историков XV в. // Культурные коды Средневековья / Под ред. А.К. Гладкова (в печати).*

⁴ *Chastellain G. Œuvres. Vol. 2. P. 140.*

⁵ *Jean Germain. Liber de virtutibus. P. 27.*

зывает о том, как Филипп Добрый предлагает герцогу Саксонскому сразиться один на один за спорные территории, не желая пролития крови рыцарями и дворянами из-за личного (*particulier*) спора двух герцогов¹. Он также сообщает, что Филипп Добрый, не раздумывая, был готов встать на защиту своего подданного во время ссоры последнего с вассалом герцога Бурбонского². Филипп Добрый проявил себя настоящим рыцарем во время войны с Гентом в 1452-1453 гг.³ Именно он в этот тяжелейший для государства момент подавал пример смелости своим подданным, лично участвуя в жестоких сражениях. Де Ла Марш, восхищается таким поступком герцога, отмечая, что он сражался как настоящий рыцарь⁴. Видимо, мемуариста это очень удивило, поскольку немногие государи совершали подобные подвиги. Ведь даже Карл VII, прозванный современниками победителем англичан, лично не участвовал в сражениях Столетней войны, предоставляя возглавлять армию хорошо зарекомендовавшим себя полководцам. Шатлен, который, на первый взгляд, видит в этом заслугу короля, умеющего окружить себя мудрыми и храбрыми советниками, все же не без иронии указывает на то, что король не был человеком «воинственным» (*belliqueux*)⁵.

Вместе с тем преданный рыцарским идеалам герцог не давал упрекнуть себя в безрассудстве. Напротив, он продемонстрировал необычайную осмотрительность в войне с Гентом. Накануне решающего сражения с гентцами Филипп Добрый решил отправить графа де Шароле, единственного своего законного наследника, подальше от места проведения битвы⁶, осознавая, какую опасность таит в себе гибель наследника. Впрочем, это не помешало Карлу принять участие в сражении. Филипп Добрый сам оказался в такой ситуации, когда Жан Бесстрашный не позволил ему, тогда еще графу де Шароле, сражаться в армии французского короля против англичан при Азенкуре, где погибли многие представители Бургундского дома (братья Жана Бесстрашного – герцог Брабантский Антуан и граф Неверский Филипп)⁷.

¹ *La Marche O. de. Mémoires. Vol. 2. P. 27.* О распространенности вызовов на подобные поединки см.: *Хейзинга Й.* Осень Средневековья. С. 119-120.

² *Ibid. Vol. 1. P. 257.*

³ Об освещении восстания в Генте бургундскими историками см.: *Асейнов Р.М.* Восстание в Генте 1452-1453 гг. в бургундской историографии XV в. // *Вестник Московского университета. Сер. 8. История.* 2008. № 2. С. 105-122.

⁴ *La Marche O. de. Mémoires. Vol. 2. P. 323.*

⁵ *Chastellain G. Œuvres. Vol. 2. P. 181.*

⁶ *Ibid. Vol. 2. P. 277; Clercq J. du. Mémoires. Bruxelles, 1835-1836. Vol. 2. P. 127.*

⁷ *Monstrelet E. de. Chronique. P., 1875. P. 372.*

Он часто вспоминал это событие и сожалел, что не смог оказаться на поле сражения в тот день¹.

Безусловно, благоразумие, или осмотрительность (*prudence*) – одна из главных добродетелей Филиппа Доброго, по мнению придворных авторов. Именно это качество высоко ценил в герцоге Жан Молине, называя и в «Морализованном Романе о Розе»², и в «Троне чести» эту добродетель одной из основных для идеального государя. *Prudentia* – первая из главных христианских добродетелей, заключающаяся в силе духа и в знании истины, а потому часто отождествляемая с мудростью. Возрождение интереса к философии Аристотеля привнесло четкое разделение этих двух понятий, и теперь в данной добродетели видели важное качество государя применять «на практике» полученные знания на благо своих подданных³. В сочинении Молине «Трон чести» первое из девяти небес, которые предстоит пройти герцогу, символизирует добродетель благоразумия⁴. На этом небе Филиппа Доброго приветствует Цезарь, который, по мысли средневековых авторов, являлся олицетворением этой добродетели. Молине перечисляет ее составляющие, а их в свою очередь можно разделить на личные качества правителя. К ним относятся разум, память и опыт. Однако опираться только на них невозможно. Филипп Добрый – пример государя, «который, используя благоразумие высоких баронов и мудрых советников, совершил огромное количество подвигов»⁵. Он, безусловно, мудрый правитель⁶, но, как и подобает такому государю, использует совет своего окружения. Молине подчеркивает это в приведенном выше пассаже. Де Ла Марш многократно упоминает свойство герцога доверять мнению своих советников⁷. Перед тем как принять какое-либо важное решение герцог обязательно выслушивал советы своих приближенных⁸. Упоминания об этом важном качестве правителя нередки и у других бургундских авторов⁹. Так, Карл VII «всем управлял разумом и никогда без совета, так как собственное мнение подкреплял

¹ *Guillaume Fillastre D.J.* Ausgewählte Werke. S. 269.

² *Devaux J.* Jean Molinet, indiciaire bourguignon. P., 1996. P. 178-179.

³ *Krynen J.* L'empire du roi. Idées et croyances politiques en France XIII-XV siècle. P., 1993. P. 217-220.

⁴ *Molinet J.* Faictz et dictz. Vol. 1. P. 46-47.

⁵ «... celui qui, en usant de la prudence de ses haulx barons et saiges conseillers, avoit parattaint la summité de ses haultes emprinses...». Ibid. P. 47.

⁶ *Chastellain G.* Œuvres. Vol. 2. P. 11; *La Marche O. de.* Mémoires. Vol. 1. P. 100.

⁷ *La Marche O. de.* Mémoires. Vol. 1. P. 92-98, 100.

⁸ *Chastellain G.* Œuvres. Vol. 2. P. 81; Vol. 3. P. 203; *Wielant Ph.* Recueil des antiquités de Flandre. P. 54.

⁹ *Le Fèvre de Saint-Rémy J.* Chronique. P., 1876-1881. Vol. 1. P. 381; *Wielant Ph.* Recueil des antiquités de Flandres. P. 54.

другим»¹. Умение выбрать мудрых советников также возводилось в достоинство государя², и Филипп Добрый был одним из тех, кто умел это делать³, впрочем, как и Карл VII⁴. Однако первый всегда был постоянен в своих симпатиях к приближенным, что расценивалось бургундскими авторами как положительное качество государя. Герцог никого не смещал со своих постов, всем доверял⁵. Французский король, напротив, был непостоянен, вокруг него часто образовывались всевозможные группировки, которые боролись за власть. При этом любой человек, достигший высот власти, мог легко лишиться благосклонности короля⁶.

Качество подаваемого совета зависело от советников, от того, были ли они сами добродетельными или порочными. Достоинство советников у Шатлена, например, зависит от их добродетельности, возраста и происхождения⁷. В «Обращении к герцогу Карлу» он пишет, что Бог наказал наследника Соломона, который предпочел совету старых и мудрых (*conseil des vieux et des sages*) совет молодых (*des joveuneurs*)⁸. Происхождение советника играло важную роль в концепции историка⁹. В этом плане показательным отношением автора к судьбе канцлера Николая Ролена. Он достаточно подробно описывает опалу канцлера¹⁰ и явно симпатизирует его противникам (Антуану де Круа, маршалу Бургундии Тибо де Нефшателю и близким к ним представителям придворной элиты, в число которых входил и Гийом Фийатр), с удовольствием перечисляя многочисленные жалобы на некогда всесильного государственного деятеля и его родственников. Одна из главных причин падения Ролена, по мнению Шатлена, это то, что он предпочел «мирскую мудрость» истинной (духовной). В отличие от Шатлена, Молине представляет нам канцлера как

¹ «Tout gouvernoit par sens et riens sans conseil, car propre opinion il confermoit par autrui». *Chastellain G. Chronique*. P. 321.

² См., например: *Цатурова С. К.* Формирование института государственной службы во Франции XIII-XV веков. М., 2012. С. 135-136, 279-304.

³ *La Marche O. de. Mémoires*. Vol. 1. P. 100.

⁴ *Chastellain G. Œuvres*. Vol. 2. P. 181.

⁵ *Ibid.* Vol. 7. P. 222-223.

⁶ *Ibid.* Vol. 2. P. 182.

⁷ Рассуждения о возрасте как критерии отбора советника часто встречаются в сочинениях средневековых авторов, опиравшихся на античные и библейские традиции. См.: *Цатурова С. К.* Формирование института государственной службы во Франции. С. 332-333.

⁸ *Chastellain G. Œuvres*. Vol. 7. P. 296.

⁹ Многие средневековые авторы (Филипп де Мезьер и Кристина Пизанская, например) отмечают, что королю надлежит выбирать советников из разных сословий, а не из одного. См.: *Цатурова С. К.* «Король – чиновник, священная особа или осел на троне?»: представления об обязанностях короля во Франции XIV-XV вв. // *Искусство власти. Сборник в честь профессора Н.А. Хачатурян*. СПб., 2007. С. 126-127.

¹⁰ *Chastellain G. Œuvres*. Vol. 3. 329-337, 456-459.

человека, достойного находиться вместе с Цезарем и Филиппом Добрым на небе Благоразумия, демонстрируя тем самым его заслуги именно в земных делах: он был призван на это небо по причине того, что «хорошо управлял общим делом» (*par bien regenter la chose publique*)¹. Несмотря на презрение к выходцам из недворянских слоев населения, Молине не разделяет позицию Шатлена по отношению к канцлеру. Возможно, свою роль сыграли близкие тогда связи первого официального историографа с семьей де Круа, главными противниками Ролена². Нелестной оценки удостоивается у Шатлена Ролен Рено, один из советников Карла VII: человек, преисполненный тщетных побуждений, низкого происхождения и смутных добродетелей³. Именно он, а не знатные люди, был направлен к Филиппу Доброму с претензиями короля на герцогство Люксембург, встреченными при бургундском дворе с настороженностью и воспринятыми как недружественный акт со стороны Карла VII. Разумеется, сам посланник характеризует неблагородные намерения короля, в вину которому, как намекает автор, ставится выбор такого человека. Напротив, все приближенные Филиппа Доброго имеют необходимые для советников качества: они мудры, благоразумны, храбры и верны своему господину, что, по словам Оливье де Ла Марша, позволило Бургундскому дому преодолеть раздоры, связанные с конфликтом между герцогом и его единственным наследником⁴. Филипп Добрый полностью им доверяет, чего нельзя сказать о короле Карле VII. Мало того, что он, как пишет Шатлен, по своей природе (*de sa propre ancienne nature*) был недоверчив⁵, страх и подозрительность усиливались с годами. Король умер в результате этих страхов: он боялся быть отравленным, поэтому отказывался принимать пищу⁶. Страх быть убитым, боязнь своего окружения – все это рассматривалось как воздаяние за грехи, а также говорило о том, что Карл VII – тиран, ибо только такой правитель живет в постоянном страхе⁷.

В отношении этой добродетели сын Филиппа Доброго представлен его совершенной противоположностью. Карла Смелого, как никакого другого правителя, упрекают в пренебрежении советом, что, безусловно, указывает на то, что он не был столь благоразумным государем как

¹ *Molinet J. Faictz et dictz. Vol. 1. P. 47.*

² *Thiry C. Les Croy face aux indiciaires bourguignons : Georges Chastelain, Jean Molinet // Et c'est la fin pour quoy sommes ensemble. Hommage à Jean Dufournet. P., 1993. T. 3. P. 1363-1380.*

³ *Chastelain G. Œuvres. Vol. 3. P. 389.*

⁴ *La Marche O. de. Mémoires. Vol. 1. P. 104.*

⁵ Например: *Chastelain G. Œuvres. Vol. 3. 22, 186, 218.*

⁶ *Ibid. Vol. 4. P. 369.*

⁷ *Small G. George Chastelain and the Shaping of Valois Burgundy. P. 180-181.*

его отец, принимавший решение только по совету своих приближенных. «Герцог Филипп совершал все по совету, а герцог Карл – только по своему решению», – пишет Ф. Вилант¹. Даже если он выслушивал всех членов совета, то поступал все равно по-своему. Де Ла Марш, редко критикующий своего сеньора, позволяет себе намекнуть, что уже в молодости Карл недостаточно прислушивался к советам мудрых и опытных придворных². Коммин многократно подчеркивает этот порок Карла Смелого: «господь настолько лишил его рассудка, что он начал пренебрегать любимыми советами, полагаясь только на себя самого»³. Именно в этом упрекает герцога Шатлен⁴, в этом же видит конечную причину всех его неудач и Т. Базен⁵. Жан Молине очень суров к герцогу в описании поражения при Нанси, в результате которого Карл Смелый погиб и обрел свои земли на разорение и порабощение врагами. Он указывает на недоверие Карла Смелого своим капитанам во время сражения при Муртене и при Нанси⁶.

Критика грубого отношения Карла к своим подданным повсеместно присутствует в бургундских хрониках. Еще в 1468 г. на капитуле Ордена Золотого руна рыцари упрекнули Карла в излишне грубом обращении к своим слугам⁷ – герцог часто называл их предателями⁸.

Однако постоянство Филиппа Доброго и излишнее доверие к своим советникам иногда приводило к негативным последствиям для Бургундского государства. Не многие хронисты пишут об этом открыто, но зачастую те или иные намеки позволяют видеть в их словах скрытую критику герцога за слепую веру своим самым близким советникам, каковым был, например, Антуан де Круа. Этот человек и члены его семьи имели огромное влияние при дворе, особенно в последние годы правления Филиппа Доброго. Жак дю Клерк вообще открыто заявляет, что де Круа в это время руководили герцогом⁹. По всей видимости, аррасский мемуарист негативно относился к тому, что та или иная партия придворных имела огромное влияние на герцога, что могло приводить к значительным злоупотреблениям не только при дворе, но и на местах. В своем сочинении он неоднократно

¹ *Wielant Ph.* Recueil des Antiquités de Flandre. P. 54.

² *La Marche O. de.* Mémoires. Vol. 2. P. 277-278.

³ *Коммин Ф. де.* Мемуары. С. 40.

⁴ Например: *Chastellain G.* Œuvres. Vol. 5. P. 317, 358.

⁵ *Basin Th.* Histoire de Louis XI. P., 1963-1972. Vol. 2. P. 348.

⁶ *Molinet J.* Chronique. Vol. 1. P. 154, 164.

⁷ Die Protokollbücher des Ordens vom Goldenen Vlies. Stuttgart, 2001-2003. Bd. 2. P. 120.

⁸ *Wielant Ph.* Recueil des Antiquités de Flandre. P. 55.

⁹ *Clercq J. du.* Mémoires. Vol. 3. P. 91.

но обличает власть имущих, которые используют данные им полномочия в корыстных целях¹. Оливье де Ла Марш облек свою критику в более замысловатую форму. Во введении к «Мемуарам»² автор дает достаточно интересную трактовку заключения Аррасского мира 1435 г. Излагая основные вехи правления Филиппа Доброго, он упоминает этот договор и предшествующие ему события. Мемуарист пишет, что герцог, будучи вассалом короля, вел против него войну, причиной которой было убийство Жана Бесстрашного приближенными дофина Карла³. Дойдя до эпизода подписания мира, де Ла Марш следующим образом описал принятие герцогом решения сделать это (причем интерес, как кажется, вызывает само построение фразы и ее буквальный перевод): «...он [герцог. – *P.A.*] легко [легкомысленно? – *P.A.*] позволил себе посоветовать заключить мир, как тот, кто по своей природе был настоящим и добрым французом»⁴. Для нас важна не столько констатация того, что Филипп Добрый был истинным французом (что следует почти из всех бургундских хроник), сколько то, что герцог, как видно из слов де Ла Марша, легко, или даже легкомысленно, поддался на советы заключить мир с королем. Хорошо известно, кто стоял за этими советами и за Аррасским миром: в первую очередь, Антуан де Круа и канцлер Николя Ролен, которые, как и многие другие члены бургундской делегации, были подкуплены французским королем Карлом VII⁵. Благодаря усилиям Антуана де Круа осуществилось затем и желание Людовика XI выкупить города на Сомме, перешедшие к герцогу Бургундскому в 1435 г. Возможно, приведенная фраза демонстрирует осознание автором ошибочности франко-бургундского сближения, ведь даже исследователи отмечают это, указывая на нежелание французской стороны выполнять условия договора⁶, а с другой стороны, это показывает попытку возложить всю ответственность за этот опрометчивый поступок на советников, а не на герцога напрямую. Такое утверждение подкрепляется тем, что Оливье де Ла Марш на протяжении всей своей службы при бургундском дворе убедился, что нельзя слепо верить всем договоренностям с французским коро-

¹ О позиции Жака дю Клерка по поводу власти и злоупотреблений см.: *Асейнов Р.М.* «Милостью Божьей герцог Бургундии»: представления о власти герцога в бургундской политической мысли // *Средние века*. 2012. Вып. 73 (1-2). С. 32-33.

² Напомним, что эта часть была написана последней – уже в 1490-е гг.

³ *La Marche O. de. Mémoires*. Vol. 1. P. 89.

⁴ «...il se laissa legierement conseiller à faire paix, comme celui qui de sa nature fut vray, bon et entier Franchois». *Ibid.* Vol. 1. P. 98-99.

⁵ *Vaughan R.* Philip the Good. P. 126.

⁶ *Ibid.* P. 107, 120.

лем¹. Следует также принимать во внимание то, что данный пассаж мог быть направлен и против клана де Круа, ведь автор «Мемуаров» занимал сторону Карла де Шароле во время его конфликта с членами этого семейства. Подобная трактовка договора в принципе продолжает размышления автора в первой книге его сочинения, написанной в начале 1470-х гг. В ней примирение герцога с королем выглядит непонятным, так как, по мнению де Ла Марша, Карл VII располагал в это время достаточной армией для ведения войны, а Филипп Добрый вполне успешно вел внешнюю политику, расширяя границы своих владений, то есть, на первый взгляд, никаких важных причин для незапного заключения мира не было. Автор видит те выгоды, которые получает от мира с герцогом Бургундским Карл VII: ему теперь не надо, например, вести одновременно войну на два фронта – против англичан и против бургундцев, оплачивать огромное число иностранных наемников. Что же касается Филиппа Доброго, то де Ла Марш среди причин, склонивших герцога к заключению договора, упоминает лишь о его французском происхождении, преданности французской монархии, даже несмотря на нанесенные ему оскорбления². Обращает на себя внимание тот факт, что де Ла Марш не находит какого-либо рационального объяснения поступку Филиппа Доброго (как он делает это в других случаях), в то время как мотивация Карла VII выглядит более или менее убедительной. Никакого другого объяснения, кроме того, что герцог был французским принцем и следовал заповедям Бога, он не приводит. Возникает справедливый вопрос: знал ли Оливье де Ла Марш реальные причины, побудившие герцога заключить мир с королем, или его представления об этом ограничивались столь наивными рассуждениями? Разумеется, ответить однозначно невозможно. На момент заключения мира он, конечно, не мог быть осведомлен об этом. Однако по прошествии времени автор наверняка размышлял об этом событии и его последствиях. Учитывая весь его дипломатический опыт, можно предположить, что знал он намного больше, чем сообщил читателю. Это убеждение базируется на прочтении всего текста «Мемуаров», ибо их основной чертой является скупость в изложении сюжетов, касавшихся политики. Будучи чрезвычайно близким Карлу Смелому человеком (он был капитаном охраны герцога), де Ла Марш не мог не знать всех тонкостей политики и переговоров. Однако информация об этом очень скупа. Поэтому справедливо, на

¹ *La Marche O. de. Mémoires. Vol. 3. P. 34.*

² *Ibid. Vol. 1. P. 238-240.*

наш взгляд, утверждать, что автор просто не хотел заострять внимание на целях, которые преследовал Филипп Добрый. Каковы они были, известно. Здесь стоит отметить не только желание принести мир своим подданным и подданным короля, но также стремление занять в иерархии королевства место, достойное первого пэра, то есть, по сути, вернуться к ситуации 1419 г. – ко времени, предшествовавшему убийству Жана Бесстрашного, когда именно герцог Бургундский располагал огромным влиянием на короля. То, что эти надежды не оправдались, обусловило, в конечном счете, негативное отношение де Ла Марша к заключению самого Аррасского мира.

Чрезмерное доверие Филиппа Доброго своему советнику Жану Кустану едва не привело к трагическим последствиям. Шатлен отмечает низкое происхождение этого человека, возвысившегося при дворе благодаря стечению обстоятельств, а не благодаря своим добродетелям, коих, по мнению хрониста, у Кустана не было вовсе¹. Опасаясь за свое положение, Кустан замыслил отравить наследника герцога, однако его план был раскрыт, а сам он казнен. Впрочем, Шатлен, как мы увидим ниже, оправдывает Филиппа Доброго за неверный выбор советника. В случае с Кустаном официальный историк вновь апеллирует к постоянству герцога в отношении своих приближенных и доверию, которое он испытывал к ним.

Выше было отмечено, что Филипп Добрый рассматривался всеми нашими авторами (да и сам позиционировал себя) как французский принц². Этот факт в значительной степени определял его политику внутри королевства. Тогда не кажутся странными и примирение с королем, и поддержка дофина во время ссоры с отцом. Апогеем этой политики стала коронация Людовика XI и пребывание Филиппа Доброго в Париже, сопровождаемое грандиозными празднествами (1461)³. На какой-то момент сам герцог подумал, что сумел добиться своей цели и занять во Французском королевстве подобающее ему положение, однако дальнейшее развитие событий показало, что это не так. Не заставившие себя ждать конфликты с новым королем, спровоцировавшим столкновения в ближайшем окружении Филиппа Доброго, заставили герцога несколько иначе взглянуть на своего французского сюзерена.

В отличие от де Ла Марша, Шатлен нисколько не сомневается в правильности французской политики герцога. Для официального

¹ *Chastellain G. Œuvres. Vol. 4. P. 234, 237.*

² Например: *Chastellain G. Œuvres. Vol. 7. P. 216.* См. также: *Bonenfant P. Philippe le Bon. Sa politique, son action. P. 7; Асейнов Р.М. «Милостью Божьей герцог Бургундии...».* С. 17-41.

³ См.: *Paravicini W. Le temps retrouvé? Philippe le Bon à Paris en 1461 // Paris, capitale des ducs de Bourgogne. Ostfildern, 2007. P. 399-469.*

историка франко-бургундский альянс выглядит естественным, иначе, по его мнению, и быть не могло, ибо это противоречило бы природе. Вот и в рассматриваемом нами сочинении он подчеркивает, что Филипп Добрый всегда был истинным французом по природе, даже несмотря на длительные войны, которые вел с Карлом VII. Именно поэтому он пошел на заключение мира 1435 г., поддержал дофина Людовика и т.д. Шатлен особо отмечает, что именно герцог возложил на голову Людовика корону в Реймсе и сопровождал его в Париж¹. В характеристике нового герцога, которая следует за рассказом о Филиппе Добром, Шатлен продолжает настаивать на уважении, которое тот испытывает к французской королевской династии, из которой произошли его предки и он сам², обвиняя французскую сторону в англо-бургундском альянсе. В данной позиции официального историка нет ничего удивительного. На протяжении всей хроники он настойчиво проводит эту мысль, что неудивительно, ибо большая часть публики, на которую ориентировано творчество Шатлена, придерживалась именно таких взглядов на отношения Франции и Бургундии³. Им не особо импонировал настрой нового правителя на разрыв со своим сюзереном, его стремление представить себя равным королю Франции, о чем пишет, например, Филипп Вилант. Сравнивая в очередной раз Карла Смелого с отцом, он отмечает, что первый считал себя более наследником Карла Великого, ибо напрямую происходил от него, тогда как французская королевская династия вела свое происхождение от узурпатора Гуго Капета⁴. Настоящий шок вызвала у представителей этой части бургундской придворной элиты фраза, произнесенная Карлом Смелым во время приема королевских послов в Сент-Омере. Герцог заявил: «У нас, португальцев, есть традиция: когда те, кого мы считаем своими друзьями, становятся друзьями наших врагов, мы посылаем их к ста тысячам чертей»⁵. Несмотря на то что конкретные имена не были названы, все поняли, кого имел в виду герцог. Это был Людовик XI, поддерживавший врага Карла и Эдуарда IV – графа

¹ *Chastellain G. Œuvres. Vol. 7. P. 218.*

² *Ibid. Vol. 7. P. 232-233.*

³ На «франкоцентричность» бургундской исторической культуры указывает в своих работах британский исследователь Г. Смол. См., например: *Small G. Cléo à la cour de Bourgogne au XVe siècle // La Librairie des ducs de Bourgogne. Manuscrits conservés à la Bibliothèque royale de Belgique. Turnhout, 2009. Vol. 4. P. 11-23.*

⁴ *Wielant Ph. Recueil des antiquités de Flandre. P. 53.*

⁵ «Entre nous Portugalois, avons une coustume devers nous, que quand ceux que nous avons tenus à nos amis, se font amis à nos ennemis, nous les commandons à tous le cent mille diables d'enfer». *Chastellain G. Œuvres. Vol. 5. P. 453.*

Уорика. Шатлен отводит целую главу в хронике для того, чтобы объяснить свою позицию относительно этого высказывания герцога. Во-первых, Карл назвал себя португальцем¹ несмотря на то, что происходил из французского королевского дома. Во-вторых, официальный историограф не мог одобрить его неуважительного отношения к королю. Ведь «казалось тем, кто воспринял это со скорбью, что он нанес самому себе большое оскорбление такими словами, принимая во внимание то, что он был подданным короля и носил герб с лилиями...»². Кто эти люди? Шатлен описывает их как «наиболее мудрых, которые много видели», они «испытывали привязанность к Франции, а не к Англии»³. Это замечание автора важно применительно к дальнейшей судьбе Бургундского государства – большая часть бургундской элиты не мыслила себя вне королевства, для нее все усилия Карла по предельному отделению от него были противоестественными, а авторитет королевской власти – чрезвычайно высок. Причем следует пояснить, что именно неперсонифицированная королевская власть пользовалась уважением как Шатлена, так и той группы людей при бургундском дворе, к которой он был близок, ибо сами короли – Карл VII и Людовик XI – отнюдь не соответствовали тому высокому предназначению, которое даровал им Бог⁴. Вполне возможно, к данному лагерю принадлежал и Гийом Фийатр, также указывавший Карлу Смелому на его происхождение из французского королевского дома⁵. Однако идея франко-бургундского сближения оказалась неосуществимой. Оккупация части Бургундского государства войсками французского короля и переход на его сторону многих высокопоставленных придворных, свидетелями чего были Оливье де Ла Марш и Жан Молине, значительно повлияли на их политическую позицию.

Еще одним качеством, которое отличало Карла Смелого от отца, была вспыльчивость. Гийом Фийатр, размышляя над характером Филиппа

¹ По материнской линии Карл Смелый был внуком португальского короля Жуана I и Филиппы Ланкастер.

² «Et sembloient à ceux qui deuil y prenoient, qu'à luy-mesme il se fit grand blasme en telles paroles, considéré encore qu'il estoit sujet du roy, et honoré et paré des armes des fleures-de-lys...». Ibid. Vol. V. P. 453-454.

³ «...eux tous estoient en affection devers France, non pas vers Angleterre». Ibid. Vol. V. P. 454.

⁴ В этом смысле показательным отношением Шатлена к Людовику XI, которого он считал недостойным носить французскую корону: «пришло время, когда французское королевское достоинство попало в руки человека-зверя, и самая благородная и святая из всех на земле корона была возложена на голову человека, не являющегося человеком» («...est venu le temps maintenant que la royale dignité françoise est descendue sur homme bestial, et que la plus digne couronne et la plus sainte de la terre est assise sur cheveux d'un homme non homme»). Ibid. Vol. 5. P. 141.

⁵ *Guillaume Fillastre D. J. Ausgewählte Werke. S. 268.*

Доброго, большое внимание уделяет восхвалению его уравновешенности и осуждению вспыльчивых людей¹. Например, Фийатр восхищается герцогом, который не подверг жестоким наказаниям жителей восставших против его власти городов Гент и Брюгге, хотя они и заслуживали этого, а проявил к ним снисхождение, чего бы не сделал человек неуравновешенный². У Фийатра нет прямого указания на Карла (ведь само это сочинение адресовалось ему). Однако пример с Гентом и Брюгге, как кажется, приведен Фийатром неслучайно. Участь Динана, практически стертого с лица земли в 1468 г., и разорение Льежа продемонстрировали, что новый герцог отнюдь не склонен проявлять снисходительность к восставшим, тем более нанесшим ему личное оскорбление. Лишь Филипп Добрый мог отцовской властью осаживать сына, как это показано Коммином, например, в первой главе «Мемуаров»³. После его смерти никто на это способен не был.

Показательно, что ни один из авторов, рассуждая об уравновешенности Филиппа Доброго и вспыльчивости Карла Смелого, не упоминает о чрезвычайно любопытном эпизоде (хотя и Шатлен, и де Ла Марш описывают этот эпизод в своих сочинениях), который сводит на нет все их попытки показать Карла полной противоположностью своему отцу. Мы имеем в виду ссору отца и сына из-за кандидатуры на должность камергера при дворе Карла де Шароле. Филипп Добрый предлагал на эту должность Филиппа де Круа, его сын всячески противился этому и отстаивал своего кандидата – Антуана Ролена⁴. Шатлен ярко описал это незаурядное событие в жизни бургундского двора⁵, закончившееся ссорой отца с сыном, причем герцога охватила такая ярость, что Карлу по совету матери пришлось удалиться от двора, да и сам герцог в гневе отправился в одиночестве из дворца в неизвестном направлении и лишь šťastливое стечение обстоятельств не привело к трагедии – он нашел приют в доме своего подданного. Иными словами, Филипп Добрый не был столь уравновешен, как хотят показать наши авторы, противопоставляя его Карлу Смелому. Да и Карл, в свою очередь, дорожил своими приближенными и отстаивал их позиции при дворе⁶, подвергаясь при этом опасности по-

¹ Например: *Ibid.* S. 273.

² *Ibid.* S. 280, 282.

³ *Коммин Ф. де.* Мемуары. С.8-9.

⁴ О Николае Ролене и его семье см.: *Berthier M.-Th., Sweeney J.-Th.* Le chancelier Rolin (1376-1462). *Ambition, pouvoir et fortune en Bourgogne.* Dijon, 1998; *Носова Е. И.* Новая знать при бургундском дворе: семья Роленов // *Вестник Санкт-Петербургского университета.* 2010. Серия 2. № 2. С. 171-178.

⁵ *Chastellain G.* Œuvres. Vol. 3. P. 230-239.

⁶ Например, он обещал после своего вступления на престол даровать Антуану Ролену

пасть в немилость из-за непокорности отцу и быть лишенным наследства. Этот конфликт внутри Бургундского дома значительно осложнил положение Карла и позволил его политическим противникам – семье де Круа – на некоторое время занять ведущее место при дворе и определять политику герцогства¹.

Щедрость – одна из главных добродетелей государя в понимании средневековых авторов. Именно благодаря ей можно, в частности, привлечь на службу достойных людей. Эта добродетель, соответствующая букве L (*Largesse*) в имени Филиппа Доброго, является четвертым небом на пути герцога к трону чести в описании Молине². Второй официальный историк Бургундского дома напоминает, как герцог распоряжался своими богатствами: щедро вознаграждал вассалов за службу, раздавал милостыню бедным, помогал паломникам. Все, кто обращался к нему, получали необходимое. В описании этой добродетели Молине следует традиционной концепции, согласно которой данное качество высоко ценилось в правителе, нуждавшемся в богатстве не для собственного блага, а для того чтобы одаривать нуждающихся³. Дважды в своих «Мемуарах» (сначала в главе, где рассказывает о смерти герцога, а затем и во введении) Оливье де Ла Марш повторяет, что одним из главных достоинств Филиппа Доброго, благодаря которому он заслужил уважение современников, является щедрость. Он, как говорится в «Мемуарах», оставил после своей смерти огромные сокровища, но при этом прослыл самым щедрым государем, ибо женил всех племянников за свой счет, построил много церквей, щедро вознаграждал слуг, в течение 5 лет содержал дофина⁴. Щедрость Филиппа Доброго противопоставляется скупости французских королей. Бальи Берри был так удивлен богатыми подар-

должность великого сенешаля Эно (Геннегау). См.: *Носова Е.И.* Неизвестный автограф Карла Смелого из Архива Санкт-Петербургского Института истории РАН // *Вспомогательные исторические дисциплины* (в печати).

¹ Конфликт герцога с сыном вызвал раскол при дворе. Вокруг наследника сформировалась группа верных ему придворных: *Paravicini W.* «Acquérir sa grâce pour le temps advenir». *Les hommes de Charles le Téméraire, prince héritier (1433-1467) // A l'ombre du pouvoir. Les entourage princiers au Moyen Age.* Liège, 2003. P. 361-383.

² *Molinet J.* Faictz et dictz. Vol. 1. P. 50-51.

³ *Малинин Ю.П.* Общественно-политическая мысль позднесредневековой Франции XIV-XV вв. СПб., 2000. С. 161.

⁴ *La Marche O. de.* Mémoires. Vol. 3. P. 56. В конце 1456 г. дофин Людовик (будущий король Людовик XI), опасаясь ареста по приказу отца, короля Карла VII, бежал из Гренобля ко двору Филиппа Доброго, который предоставил в его пользование резиденцию в замке Женапп. Во владениях герцога Бургундского Людовик оставался до своего вступления на французский престол в 1461 году. См.: *Favier J.* Louis XI. P., 2001. P. 157-185; *Эрс Ж.* Людовик XI. Ремесло короля. М., 2007. С. 48-55.

ками, преподнесенными ему во время приема у герцога Бургундского, ибо знал, что при дворе его господина так не поступают по отношению к слугам герцога¹. Богатство и роскошь бургундского двора изумляли современников. Он считался самым блистательным из дворов всех европейских монархов². Данный факт признавали сами современники-иностранцы, пребывавшие при дворе герцогов, в том числе и итальянцы. Герцоги сознательно пытались убедить гостей в своем могуществе. Для этого они, например, демонстрировали им свою казну, наполненную золотом. Нюрнбергский купец Г. Тетцель, сопровождавший чешского барона Л. де Розмитала, указывает, что казна Филиппа Доброго куда богаче казны венецианцев³. Свое восхищение двором герцога высказывает и Перо Тафур⁴. Вилант также восторгается тем, что Филиппу Доброму удалось собрать огромные богатства, которые он оставил сыну, однако последний все растратил⁵.

Среди других добродетелей, которые приводит в своем сочинении Молине, следует обратить внимание на Справедливость (Justice), Милосердие (Pitié)⁶. Автор подчеркивает, что герцог был справедлив к своим подданным, обеспечивал мир и спокойствие в своей стране. Благодаря Милосердию он легко прощал, в том числе и своих врагов. Вилант также указывает на это качество герцога, противопоставляя его сыну, который долго не отходил от нанесенных обид и требовал публичных покаяний⁷.

Впрочем, даже такой добродетельный государь обладал некоторыми пороками, которые бургундские авторы вынуждены были назвать, дабы их не сочли льстецами. Шатлен отмечает, что совершенен только Бог⁸, правители – тоже люди, а значит, они склонны к различным страстям, в том числе и порочным, таким как зависть или ненависть⁹. Фийатр также указывает, что человек не может обладать только добродетелями, ибо это удел совершенных существ¹⁰. Совпадая во мнении относительно наличия у герцога пороков, оба автора вступают

¹ *Chastellain G. Œuvres. Vol. 3. P. 28.*

² См.: *Armstrong C. A. J. The Golden Age of Burgundy. Dukes that outdid Kings // The courts of Europe. Politics, Patronage and Royalty. 1400-1800. L., 1977. P. 55-75.*

³ См.: *Paravicini W. Structure et fonctionnement de la cour bourguignonne au XVe siècle // РСЕЕВ. 1989. Т. 29. P. 67-73.*

⁴ *Масиель Санчес Л. К. Придворная одиссея одного кастильского идалго XV века // Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель среда. С. 272.*

⁵ *Wielant Ph. Recueil des antiquités de Flandre. P. 55.*

⁶ *Molinet J. Faictz et dictz. Vol. 1. P. 51-55.*

⁷ *Wielant Ph. Recueil des antiquités de Flandre. P. 55.*

⁸ *Chastellain G. Œuvres. Vol. 7. P. 223.*

⁹ *Ibid. Vol. 3. P. 30.*

¹⁰ *Guillaume Fillastre D. J. Ausgewählte Werke. S. 298.*

в заочный спор о том, что понимать под пороками. Например, оба сообщают, что герцог имел обыкновение очень поздно приходить к мессе, ее приходилось служить в 2 или 3 часа пополудни¹. Папа римский Пий II даже официально разрешил ему это². Однако при дворе это вызывало различную реакцию. Шатлен, например, видит в этом один из пороков герцога, ибо чрезмерная страсть к плотским удовольствиям мешала герцогу вставать вовремя. Если Шатлен даже не берется оправдывать этот порок, оставляя его на усмотрение Бога, то Фийатр явно полемизирует с официальным историком. Он не может не уделить этому внимания, так как ни для кого данный факт не был секретом. Однако второй канцлер Ордена Золотого руна не считает это пороком. Напротив, он сообщает, что герцог не выходил из своих покоев, ибо большей частью пребывал в молитвах, либо решал государственные дела среди круга ближайших советников³. Будучи человеком щедрым и милосердным, герцог легко поддавался на уговоры и просьбы придворных, поэтому раннее появление на публике отвлекало бы его от важных дел, считает Фийатр.

Мнения Шатлена и Фийатра различаются и в характеристике отношения герцога к участию в управлении государством. Очевидно, что канцлер, судя по всему знакомый с трактатом Шатлена, пытается оспорить утверждение последнего о том, что Филипп Добрый мало внимания уделял государственным делам, особенно правосудию и финансам⁴, доверяясь своим советникам, тогда как государь должен сам «знать свои дела». А Филипп Добрый, по мнению Шатлена, будучи богатейшим государем эпохи, не знал даже состояние своей казны⁵. О чрезмерном доверии советникам говорит, например, положение Николя Ролена. Шатлен, об отношении которого к канцлеру Ролену говорилось выше, отмечает, что до опалы он один определял политику герцога, безмерно доверявшего ему: это касалось и вопросов войны и мира, и финансов⁶. Это открывало путь к злоупотреблениям, в чем, по мнению Шатлена, был повинен канцлер. Однако не только он. Официальный историк отмечает, что с возрастом Филипп Добрый стал окружать себя фаворитами низкого происхожде-

¹ *Chastellain G.* Œuvres. Vol. 7. P. 225.

² *Paravicini W.* Le temps retrouvé. P. 424.

³ *Guillaume Fillastre D. J.* Ausgewählte Werke. S. 299.

⁴ *Chastellain G.* Œuvres. Vol. 7. P. 222-223. В политической мысли того периода господствовали идеи о том, что государь должен быть в курсе всех дел, следить за работой чиновников, лично участвовать в заседании совета, следить за своими доходами. См., например: *Цатурова С.К.* «Король – чиновник, священная особа или осел на троне?». С. 104-108.

⁵ *Chastellain G.* Œuvres. Vol. 7. P. 223.

⁶ *Ibid.* Vol. 3. P. 330.

ния, отказывая в почестях людям знатным¹. В этом Шатлен видит один из пороков герцога, ибо фавориты, пользовавшиеся доверием герцога, получали практически неограниченную власть над ним². Таковым был, как отмечалось выше, Жан Кустан, например. Фийатр, напротив, укоряет таких, как Шатлен, которые пытаются упрекать герцога в пренебрежении к финансам, ибо тот требовал скрупулезного выполнения своих поручений и следил за тем, чтобы вовремя выдавались щедрые дары³. В описании канцлера герцог представлен трудолюбивым государем, ибо ложился в 2 часа ночи, а вставал уже в 6 часов утра, вынужденный трудиться на благо подданных, ибо многие решения ему приходилось принимать лично. Желая подчеркнуть свою близость к герцогу, Фийатр пишет, что многие важные дела вовсе не требовали публичности или решения при большом числе придворных, напротив, они должны были рассматриваться в узком кругу герцогского совета, в заседаниях которого участвовал и сам герцог, когда дело того требовало (*quant le cas le requeroit*). Шатлен, списывая, тем не менее, многие пороки на преклонный возраст герцога, не может не упрекнуть его в чревоугодии, тогда как канцлер снова опровергает это суждение историка⁴. Единственное, пожалуй, в чем они сходятся, – это также общеизвестный недостаток Филиппа Доброго, его внебрачные связи. Скрывать этот факт было бы весьма странным со стороны наших авторов, ведь бастарды герцога воспитывались при дворе вместе с его законным наследником⁵. Поэтому ни Шатлен, ни Фийатр не пытаются оправдать своего сеньора, отмечая терпимость Изабеллы Португальской. Об адюльтерах упомянул и Жан Жермен в последней главе своего сочинения⁶. По мнению Ж. Павио, это было сделано намеренно и уже после того, как автор преподнес книгу Карлу – таким образом Жермен попытался отомстить герцогу за свою опалу, случившуюся в 1452 г. после провала плана по организации крестового похода, в котором приняли бы участие все европейские государи⁷.

Этот спор двух придворных интеллектуалов весьма любопытен. В чем причины того, что Фийатр стремится опровергнуть высказанные Шатленом упреки в адрес герцога? Еще более интересно то, почему

¹ Ibid. Vol. 7. P. 224.

² См.: *Paravicini W.* The Court of the Dukes of Burgundy. A Model for Europe? P. 72.

³ *Guillaume Fillastre D.J.* Ausgewählte Werke. S. 299.

⁴ Ibid. S. 300.

⁵ *Dubois H.* Charles le Téméraire. P., 2004. P. 31.

⁶ *Jean Germain.* Liber de virtutibus. P. 113-115.

⁷ *Paviot J.* Jean Germain, évêque de Nevers et de Chalon-sur-Saône, chancelier de l'ordre de la Toison d'or // PCEEВ. 2010. Т. 50. P. 120.

официальный историк, который на страницах своей хроники всячески превозносит герцога, восхищается им, в трактате о его благодеяниях осмеливается рассказать о недостатках этого правителя. Британский исследователь Г. Смол, исходя из даты написания трактата Шатленом (лето 1467 г.), отмечает, что основной причиной такого поворота в восприятии им Филиппа Доброго являлось то, что трактат был предназначен для вступившего на престол Карла Смелого. Официальный историк, стремившийся сохранить свою позицию при дворе нового правителя, был вынужден написать панегирик не столько его отцу, сколько самому Карлу¹. Надо сказать, что ему удалось продемонстрировать верность династии и новому герцогу – Карл Смелый оставил Шатлена исполнять его функции официального историка. Действительно, с такой аргументацией нельзя не согласиться. Ведь если внимательно посмотреть на те пороки, которые Шатлен приписывает Филиппу Доброму – пренебрежение государственными делами, особенно финансами и правосудием, чревоугодие, внебрачные связи – во всем этом невозможно упрекнуть нового герцога. Напротив, и Шатлен, и другие авторы отмечают его трудолюбие, причем часто в этом слышится завуалированная критика излишнего участия в управлении и чрезмерного контроля². И в характеристике Карла Смелого Шатлен особое внимание уделяет отношению герцога к финансам: Карл сразу же стал изучать свои доходы: что он имеет с домена, а что в виде экстраординарных поступлений³. Оливье де Ла Марш также свидетельствует об этом: герцог всегда сам вникал во все дела⁴, лично контролировал расходы и назначения пенсионеров⁵, участвовал в заседаниях совета, причем выслушивал мнения всех его членов, два раза в неделю давал аудиенции, чтобы выслушать жалобы даже самых бедных своих подданных⁶. Рассказывая о буднях Карла Смелого во время осады Нейса, Молине сообщает, как герцог лично объезжал армию, раздавая приказы пикардийцам, советуя что-то ломбардцам. Он не давал покоя своим людям, так как сам почти не спал⁷. Сравнивая Карла с отцом, Вилант указывает, что последний лю-

¹ *Small G.* George Chastelain and the Shaping of Valois Burgundy. P. 245-248.

² «...estoit actif et laborieux par trop et plus qu'il ne seoit a tel prince, soir et matin toudis en conseil, toudis en soin d'aucun grand cas, ou en finances ou en fait de guerre ou en provision du bien public. Perdoit peu d'heures et travailloit fort gens...». *Chastelain G.* Œuvres. Vol. 7. P. 229.

³ *Ibid.* Vol. 5. P. 361-362.

⁴ *La Marche O. de.* Mémoires. Vol. 1. P. 128.

⁵ *Ibid.* Vol. 4. P. 10.

⁶ *Ibid.* Vol. 4. P. 4.

⁷ *Molinet J.* Chronique. Vol. 1. P. 59.

бил отдых, который проводил в танцах, на приемах, охотясь или играя. В отличие от него Карл Смелый не признавал необходимости отдыха¹. Удивительно, что среди бургундских авторов, как, впрочем, и среди придворных, не было единого мнения по поводу того, в какой степени государь должен заниматься делами². Пример с позицией Шатлена по этому вопросу показателен. Он критикует как пренебрежение ими, так и чрезмерное усердие. По его мнению, идеальный государь должен придерживаться «золотой середины» в этом вопросе. Проявление крайностей вовсе не приветствовалось средневековыми мыслителями³. Еще Кристина Пизанская показывала на примере Карла V, что монарху необходимо придерживаться уравновешенного сочетания труда и отдыха, что поможет ему надлежащим образом исполнять свои обязанности⁴. Такое равновесие в случае с Карлом Смелым отсутствует. Филипп де Коммин видит в этом источник неудач герцога⁵. Позицию Коммина разделяет Филипп Вилант. И хотя он отмечает, что герцог иногда музицировал и даже пел, но такое времяпрепровождение не приносило, видимо, ему удовольствия⁶, в отличие от его отца, который любил устраивать роскошные празднества, да и просто проводить время за играми, танцами, турнирами, чтением разнообразных рыцарских романов или любовных историй⁷. Вполне возможно, что придворным не хватало этого в правление Карла Смелого, который сам не желал участвовать в развлечениях, да и своих приближенных заставлял присутствовать и, по словам Шатлена, откровенно скучать во время аудиенций, которые давал 2 или 3 раза в неделю⁸. Именно официальный историк в своем сочинении отразил настроения той придворной группы, которая не разделяла привнесенные Карлом Смелым новые принципы управления и

¹ *Wielant Ph.* Recueil des antiquités de Flandre. P. 57.

² В контексте этого вопроса стоит отметить, что в системе управления Бургундского государства была чрезвычайно высока роль самого герцога в условиях недостаточной развитости институтов. На это обращает внимание Н.А. Хачатурян, анализируя трактат Оливье де Ла Марша о дворе Карла Смелого (*Хачатурян Н.А.* Бургундский двор и его властные функции. С. 126-135).

³ *Guenée B.* Le prince en sa cour. Des vertus aux usages (Guillaume de Tyr, Gilles de Rome, Michel Pintoin) // CRAIBL 1998. Vol. 142. P. 635, passim.

⁴ *Blanchard J.* Le corps du roi: mélancolie et «recréation». Implications médicales et culturelles du loisir des princes à la fin du Moyen Age // Représentation, pouvoir et royauté à la fin du Moyen Age. P., 1995. P. 201-202.

⁵ *Blanchard J.* Commynes l'Européen. L'invention du politique. Genève, 1996. P. 158-159. См.: *Коммин Ф. де.* Мемуары. С. 174.

⁶ *Wielant Ph.* Recueil des Antiquités de Flandre. P. 57.

⁷ *Ibid.* P. 56.

⁸ *Chastellain G.* Œuvres. Vol. 5. P. 469-470.

его «политическую программу»¹. Ее выразителями стали представители совершенно иного поколения – придворные, возвысившееся как раз при новом герцоге. Среди них стоит назвать канцлера Гийома Югоне и одного из ближайших сподвижников Карла Ги де Брима, сеньора де Эмберкура².

Что же касается отношений с женщинами, то здесь также невозможно упрекнуть Карла: Шатлен пишет, что целомудрие нового герцога явилось разительным отличием от той жизни, которую вели другие государи³. Нельзя обвинить его и в чревоугодии. В набожности он не уступал отцу, а даже превосходил его.

Таким образом, на фоне пороков отца сын предстал у Шатлена в лучшем свете. В то же время официальный историк не преминул ненавязчиво указать новому герцогу на некоторые его недостатки (вспыльчивость, чрезмерное трудолюбие, невнимание к отдыху и т.д.). Не предал он и памяти своего прежнего сеньора, ибо отметил только те его недостатки, которые были известны всем при дворе.

Что же касается Фийатра, то его полемику с Шатленом можно объяснить несколькими факторами. С одной стороны, Фийатр, на протяжении многих лет глава герцогского совета и канцлер Ордена Золотого руна, был более близок к Филиппу Доброму, нежели официальный историк. Он неоднократно доказывает это на страницах своего сочинения, отмечая, что герцог поведал ему какой-то факт с глазу на глаз, в личных покоях и т.д.⁴ Поэтому он, а не кто-то другой при дворе, мог быть лучше осведомлен об истинных причинах позднего прихода к мессе и т.д. С другой стороны, на момент создания «Истории Золотого руна» (1473 г.) Фийатр уже был смещен с должности канцлера Ордена. Карл Смелый, видимо, тяготившись присутствием не очень близкого ему человека на этой должности, решил заменить Фийатра на более преданного, отправив первого писать свой труд о Золотом руне. Иными словами, бывшему канцлеру не нужно было прибегать к столь изощренным способам прославления Карла Смелого, ведь для этого он готовил специальный раздел своей книги. К тому же, обвинение Филиппа Доброго в пренебрежении государственными делами, чрезмерном доверии к советникам, в незнании финансового состояния государства бросало тень и на самого Фийатра, как одного из

¹ О восприятии политики Карла Смелого бургундскими придворными см.: *Асейнов Р.М.* Образ государя в «Обращении к герцогу Карлу» Ж. Шатлена. С. 409-411.

² О нем см.: *Paravicini W. Guy de Brimeu: Der burgundische Staat und seine adlige Führungsschicht unter Karl dem Kühnen.* Bonn, 1975.

³ *Chastellain G. Œuvres.* Vol. 7. P. 231.

⁴ Например: *Guillaume Fillastre D. J. Ausgewählte Werke.* S. 274, 293,

ближайших советников. Следовательно, опровергая утверждение Шатлена, он в некоторой степени оправдывал свою деятельность в аппарате управления Бургундским государством, а с другой стороны, указывал на ту важную роль, которую играл в нем. Он, хотя и не говорит об этом подробно, тем не менее рисует нам совершенно иную картину управления Бургундским государством по сравнению с той, что представил Оливье де Ла Марш в трактате о дворе¹. Отмечая верховную власть герцога, он все же оставляет значительные полномочия за советом и другими ведомствами. Филипп Добрый у него лично принимает лишь особо важные решения, тогда как Карл Смелый в описании де Ла Марша и Шатлена постоянно вникает во все дела, будь то вопросы финансов, войны или правосудия. Другой причиной столь яркого спора двух интеллектуалов при бургундском дворе мог стать, на наш взгляд, высказанный Шатленом укор в адрес тех священнослужителей, которые призывали Филиппа Доброго присоединиться к отряду крестоносцев, возглавляемых его бастардом Антуаном, в 1464 г. Среди этих прелатов был, видимо, и Фийатр, весьма опечаленный тем, что герцог не смог этого сделать². В то время как официальный историк скептически отнесся к участию герцога в этом предприятии, указывая на возможные беды для Бургундского дома в случае внезапной кончины правителя в чужих землях³ и упрекая прелатов в том, что они ничего не смыслят в земных делах и дают неправильный совет герцогу⁴.

В описании Фийатра Филипп Добрый выступает как правитель, заботящийся о благе подданных и государства, пожалуй, более, чем в каком-либо другом из рассматриваемых сочинений. В течение его длительного пребывания на престоле главным для него было поддержание мира в своих владениях. Все войны, которые он вел, были вынужденными. Филипп Добрый стремился либо сохранить свое наследие, либо оградить свой народ от несправедливостей и притеснений⁵. Это, по мнению канцлера, является одной из главных обязанностей государя. Действительно, период правления Филиппа Доброго представляется как идеальный (за несколькими исключениями) образ отношений государя и подданных, основанный на отцовской любви со стороны первого и сы-

¹ Об этом трактате см.: *Хачатурян Н.А.* Бургундский двор и его властные функции в трактате Оливье де Ла Марша // Двор монарха в средневековой Европе. С. 121-136; *Paravicini W.* La cour de Bourgogne selon Olivier de La Marche // PCEEВ. 2003. Т. 43. Р. 89-124.

² *Guillaume Fillastre D.J.* Ausgewählte Werke. S. 288.

³ *Chastellain G.* Œuvres. Vol. 5. P. 49.

⁴ *Ibid.* Vol. 5. P. 55.

⁵ *Guillaume Fillastre D.J.* Ausgewählte Werke. S. 302.

новнего подчинения со стороны вторых. Герцог даже налоги взимал, по мнению Шатлена, при помощи не тирании, а – любви, будучи хорошим правителем¹. Это, впрочем, не мешает хронисту указать, что налоговое бремя возросло по сравнению с предшествующими временами (хотя и не настолько, как во время правления Карла Смелого). Филипп Добрый заставил подданных любить себя и бояться, пишет Вилант², что являлось главным для государя. Ибо он, по мысли Шатлена, должен держать народ в страхе (*en cōmeur*), а дворян в любви (*en bonne amour*). Ведь если подданные будут только бояться, это приведет к неповиновению с их стороны³. Поэтому, в частности, Филипп Добрый ограничился довольно мягким наказанием Гента в 1453 г. Фийатр приводит эпизод, когда герцогу советовали разрушить восставший город. На это Филипп Добрый ответил: «Гентцы – мой народ, и город мой. Я не знаю никого, у кого поднялась бы рука разрушить его»⁴. Подобное решение герцог принял, несмотря на советы приближенных, и в 1438 г., когда подавлял восстание в Брюгге⁵. Можно, конечно, усомниться, что герцог пошел бы на разрушение едва ли не самых богатых городов в своих владениях, но это была отличная возможность продемонстрировать верховную власть над графством Фландрским в данном случае, а также заботу о подданных и общем благе.

Если сравнивать заключения рассматриваемых сочинений (написанных после смерти Филиппа Доброго), то все они рисуют нам один и тот же образ герцога как идеального государя, потеря которого является трагедией не только Бургундского дома, но и всего христианского мира. В «Троне чести» Молине показывается, как герцог, преодолев все девять небес, предстает перед этим самым тронном Чести. Он оказывается среди самых доблестных героев мировой истории, таких как Цезарь, Александр Македонский, Карл Великий. Иными словами, подчеркивается его статус, равный статусу этих великих государей. Ему вручают скипетр и

¹ *Chastellain G.* Œuvres. Vol. 2. P. 143.

² *Wielant Ph.* Recueil des antiquités de Flandre. P. 56. В то время как его сына, Карла Смелого, только боялись.

³ Интересную трактовку патерналистские идеи получили в концепции власти государя, разработанной Карлом Смелым. Об этом см.: *Асейнов Р.М.* Карл Смелый, Гийом Югоне и политическая мысль при бургундском дворе в 1470-е гг. // Политическая культура в Средние века и раннее Новое время / Под ред. А.К. Гладкова (в печати).

⁴ «Ceulx de Gand sont mon peuple, la ville est mienne. Laquelle destruite, je ne sçay vivant qui en fera une pareille». *Guillaume Fillastre D. J.* Ausgewählte Werke. S. 282.

⁵ *Boone M.* Destroying and Reconstructing the City: The Inculcation and Arrogation of Princely Power in the burgundian-Habsburg Netherlands (14th–16th Centuries) // *The Propagation of Power in the Medieval West.* Groningen, 1997. P. 4.

лавровый венок¹. Жак дю Клерк следующим образом описал смерть герцога: «...они потеряли сегодня государя, наиболее почитаемого на земле христиан; преисполненного щедрости, чести, доблести и храбрости, да и всех добродетелей, который держал все земли в мире»².

Сравнивая эту эпоху с периодом правления Карла Смелого, закончившимся крушением государства, многие придворные хронисты видели в былом процветании заслугу отца, а в бедах – результат неудачной политики сына. Несчастья, обрушившиеся на бургундские регионы после 1477 г., свидетелями которых стали многие из наших авторов (де Ла Марш, Молине, Вилант), вполне естественно заставляли их мысленно возвращаться к «золотому веку» Филиппа Доброго. Если уж Филипп де Коммин восторженно говорит о расцвете Бургундии в эпоху Филиппа Доброго и о крушении государства при Карле Смелом, то что же говорить о тех, кто остался верен Бургундскому дому?! Для де Ла Марша, например, также характерна ностальгия по прошлому благополучию, что выразилось в характеристике итогов правления Филиппа Доброго³. Молине же считает, что за его правление только манна небесная ниспала на Бургундский дом, а все несчастья и проклятия обходили его стороной⁴. Вполне естественно, что чем сильнее переживались авторами последствия политики Карла Смелого, тем более идеализированным становился образ его отца. Глава одного из последних по хронологии рассматриваемых нами сочинений (речь идет о «Древностях Фландрии» Филиппа Виланта) построена по принципу прямой антитезы Филиппа Доброго и Карла Смелого. Сравнение, безусловно, не в пользу последнего. Вилант, подводя итоги правлений обоих государей, заметил, что 48-летнее правление Филиппа Доброго прошло в процветании, он умер любимым и оплакивался подданными, тогда как Карл Смелый правил всего 9 лет, но все они прошли в постоянных войнах, а умер герцог не в своих землях, а на поле сражения от руки врагов⁵. Любопытно, что Вилант, одним из первых назначенный советником вновь учрежденного парламента в Мехелене (Малине), а впоследствии исполнявший обязанности его президента уже в начале XVI в., отмечает его создание как нечто непродуманное, что не пережило смерти Карла Смелого, в отли-

¹ *Molinet J. Faictz et dictz. Vol. 1. P. 56.*

² «...ils perdoient ce jour ung prince le plus renommé qui fust sur la terre des chrestiens; plein de largesse, plein d'honneur, plein de hardiesse et valliance, et brief remply de moult nobles vertus, le quel avoit tous ses pays gardé en paix». *Clercq J. du. Mémoires. Vol. 4. P. 306.*

³ *La Marche O. de. Mémoires. Vol. 1. P. 105; Vol. 3. P. 55-57.*

⁴ *Molinet J. Faictz et dictz. Vol. 1. P. 55.*

⁵ *Wielant Ph. Recueil des antiquités de Flandre. P. 57.*

чие от всех нововведений Филиппа Доброго и основанного им Ордена Золотого руна. Возможно, в нем говорило фламандское происхождение, ведь именно города Фландрии выступали главными противниками одного из важнейших шагов на пути централизации Бургундского государства.

Вполне справедливо считать, что в образе Филиппа Доброго, представленного читателям бургундскими придворными хронистами, можно видеть тот идеал добродетельного государя, который, по их мысли, должен служить примером для последующих поколений, чем-то вроде «наставления морального, религиозного и политического»¹. Неслучайно этот герцог оказывается сосредоточением почти всех главных добродетелей, которые только может иметь государь. Таковым предстал герцог в «Троне чести» Молине, таковым он остался в коллективной памяти подданных Бургундского дома, да и остается в представлениях современников о Бургундском государстве XV в. Филипп де Коммин очень ярко описал эпоху благоденствия при Филиппе Добром: «В это время подданные Бургундского дома были очень богаты благодаря длительному миру и доброте своего государя, мало облагавшего их талей, и мне кажется, что тогда их земли имели больше права называться землей обетованной, чем любые другие в мире. Они упивались богатством и покоем, которые впоследствии навсегда утратили, и упадок начался 23 года назад»². Работая над этой частью «Мемуаров» в 1489 г., Коммин сознательно относит начало упадка к 1465-1466 гг., когда при престарелом Филиппе Добром значительно возросло влияние Карла Смелого при дворе. Таким образом, следовавшие за этим трудности и катаклизмы при новом герцоге, несомненно, явились одной из главных причин идеализации и мифологизации образа Филиппа Доброго (что особенно очевидно в случае с Вилантом). В то же время образ идеального государя оказался не лишенным некоторых изъянов. Открытая критика тех недостатков герцога, которые ни для кого при дворе не являлись секретом, или попытка их оправдания была обусловлена теми целями, которые ставили перед собой авторы при написании трудов (например, Шатлен и Фийатр). Вместе с тем упреки в недостаточно дальновидных поступках (в частности, во внешней политике) диктовались имевшимся у автора политическим, дипломатическим и жизненным опытом (Оливье де Ла Марш). Изучение восприятия третьего герцога Бургундского из дина-

¹ Wolff H. Histoire et pédagogie princière au XV siècle: Georges Chastelain // Culture et pouvoir au temps de l'Humanisme et de la Renaissance. Genève, P., 1978. P. 37-49.

² Коммин Ф. де. Мемуары. С. 11.

сти Валуа бургундскими придворными историками и государственными деятелями позволило также отметить основные черты бургундской пропаганды – представление герцога единственным защитником Церкви, Французского королевства, его нравственное превосходство над правящими представителями французского королевского дома, щедрость по отношению к своим приближенным и гостям, демонстрация богатства и роскоши двора и т.д., способствовавшие укреплению позиций герцога как внутри своих владений, так и среди других европейских монархов. Характеристика же Филиппа Доброго в сравнении с его сыном выявила наличие разных мнений при бургундском дворе относительно поведения и обязанностей государя (степень вовлеченности в решение государственных дел, доверия советникам и т.д.), приоритетов в его политике (отношения с Французским королевством, создание независимого от него государства, политика централизации и др.), что вместе с неблагоприятными внешними и внутренними обстоятельствами, а также не совсем удачной политикой не позволили Карлу Смелому достичь поставленных перед ним целей.

Список литературы:

Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель среда. М., СПб., 2001. [Dvor monarha v srednevekovoj Evrope: javlenie, model' sreda. M., SPb., 2001].

Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. М., 2004. [Korolevskij dvor v politicheskoj kul'ture srednevekovoj Evropy. M., 2004].

Священное тело короля: Ритуалы и мифология власти. М., 2006. [Svjashhennoe telo korolja: Ritualy i mifologija vlasti. M., 2006].

Королевский двор в Англии XV-XVII веков. СПб., 2011. [Korolevskij dvor v Anglii XV-XVII vekov. SPb., 2011].

Хачатурян Н.А. Проблемы и перспективы в изучении темы королевского двора // Хачатурян Н.А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008. [Hachaturjan N.A. Problemy i perspektivy v izuchenii temy korolevskogo dvora // Hachaturjan N.A. Vlast' i obshhestvo v Zapadnoj Evrope v Srednie veka. M., 2008].

Paravicini W. The Court of the Dukes of Burgundy. A Model for Europe? // Princes, Patronage and the Nobility. The Court at the Beginning of the Modern Age c. 1450-1650. Oxford, 1991.

«A l'heure encore de mon écrire». Aspects de la littérature de Bourgogne sous Philippe le Bon et Charles le Téméraire. Louvain-la-Neuve, 1997.

- A la Cour de Bourgogne. Le duc, son entourage, son train. Turnhout, 1998.
- La cour de Bourgogne et l'Europe: Le rayonnement et les limites d'un modèle culturel. Ostfildern, 2013.
- Staging the Court of Burgundy / Ed. A. Van Oosterwijk. Turnhout, 2013.
- Коммин Ф. де. Мемуары. М., 1986. [Kommin F. de. Memuary. M., 1986].
- Blanchard J. Philippe de Commynes. P., 2006.
- Vaughan R. Philip the Good. The Apogee of Burgundy. L., 1970.
- Bonenfant P. Philippe le Bon. Bruxelles, 1943.
- Bonenfant P. Philippe le Bon. Sa politique, son action. Bruxelles, 1996.
- Huizinga J. La Physionomie morale de Philippe le Bon // Annales de Bourgogne. 1932. T. 4.
- Bourassin E. Philippe le Bon, le grand lion de Flandres. P., 1983.
- Prevenier W., Blockmans W. The Burgundian Netherlands. Cambridge, 1986.
- Schneer B. L'Etat bourguignon 1363-1477. P., 1999.
- Prevenier W., Blockmans W. The Promised Lands. The Low Countries under Burgundian Rule, 1369-1530. Philadelphia, 1999.
- Brown A. The Valois dukes of Burgundy. Oxford, 2002.
- Molinier A. Les sources de l'histoire de France des origines aux guerres d'Italie. P., 1904.
- Krynen J. Idéal du prince et pouvoir royal en France à la fin du Moyen Age (1380-1440). P., 1981.
- Асейнов Р.М. Субъективность в истории: образ автора в бургундских хрониках и мемуарах // Историческая память в культуре эпохи Возрождения. М., 2012. [Asejnov R.M. Sub'ektivnost' v istorii: obraz avtora v burgundskih hronikah i memuarah // Istoricheskaja pamjat' v kul'ture jepohi Vozrozhdenija. M., 2012].
- Chronique relatives à l'histoire de la Belgique (Textes latins). Bruxelles, 1876.
- Chastellain G. Œuvres. Bruxelles, 1863-1865. Vol. 7.
- Molinet J. Faictz et Dictz. P., 1936-1939. Vol. 1.
- Guillaume Fillastre D.J. Ausgewählte Werke. Ostfildern, 2003.
- La Marche O. de. Mémoires. P., 1883-1888. 4 vols.
- Wielant Ph. Recueil des antiquités de Flandre // Recueil des Chroniques de Flandre. Bruxelles, 1865. T. 4.
- Die Protokollbücher des Ordens vom Goldenen Vlies. Stuttgart, 2001. \ Bd. 1.
- Асейнов Р. М. Образ государя в «Обращении к герцогу Карлу» Ж. Шатлена // Власть, общество, индивид в средневековой Европе. М.,

2009. [Asejnov R.M. Obraz gosudarja v «Obrashhenii k gercogu Karlu» Zh. Shatlena // Vlast', obshhestvo, individ v srednevekovoj Evrope. M., 2009].

Paviot J. La dévotion vis-à-vis de la Terre sainte au XVe siècle. L'exemple de Philippe le Bon (1396-1467) // Autour de la première croisade. Actes du colloque de Clermont-Ferrand (juin 1995). P., 1996.

Müller H. Kreuzungspläne und Kreuzzugspolitik des Herzogs Philipp des Guten von Burgund. Göttingen, 1993.

Paviot J. L'ordre de la Toison d'or et la Croisade // L'Ordre de la Toison d'or de Philippe le Bon à Philippe le Beau (1430-1505). Idéal ou reflet d'une société?. Bruxelles, 1996.

Paviot J. Les ducs de Bourgogne, la croisade et l'Orient (fin XIVe siècle–XVe siècle). P., 2004.

Le Brusque G. Une campagne qui fit long feu: le saint voyage de Philippe le Bon sous la plume des chroniqueurs bourguignons (1453-1464) // Le Moyen Age. 2006. T. 112 (3-4).

Хачатурян Н.А. Светские и религиозные мотивы в придворном банкете «Обет фазана» герцога Бургундского в XV в. // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. М., 2004. [Hachaturjan N.A. Svetskie i religioznye motivy v pridvornom bankete «Obet fazana» gercoga Burgundskogo v XV v. // Korolevskij dvor v politicheskoj kul'ture srednevekovoj Evropy. M., 2004].

Le Banquet du Faisan. 1454: l'Occident face au défi de l'Empire ottoman. Arras, 1997.

Плешкова С.Л. Французская монархия и церковь (XV – середина XVI в.). М., 1992. [Pleshkova S.L. Francuzskaja monarhija i cerkov' (XV – seredina XVI v.). M., 1992].

Chastellain G. Chronique. Genève, 1991.

Small G. George Chastelain and the Shaping of Valois Burgundy. Political and Historical Culture at Court in the Fifteenth Century. Woodbridge, 1997.

Dufournet J. Charles le Téméraire vu par les historiens bourguignons // Cinq-centième anniversaire de la bataille de Nancy (1477). Nancy, 1979.

Хейзинга Й. Осень Средневековья. М., 2002. [Hejzinga J. Osen' Srednevekov'ja. M., 2002].

Acejnov P.M. Восстание в Генте 1452-1453 гг. в бургундской историографии XV в. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2008. № 2. [Asejnov R.M. Vosstanie v Gente 1452-1453 gg. v burgundskoj istoriografii XV v. // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8. Istorija. 2008. № 2].

Clercq J. du. Mémoires. Bruxelles, 1835-1836. Vol. 2.

- Monstrelet E. de.* Chronique. P., 1875.
- Devaux J.* Jean Molinet, indiciaire bourguignon. P., 1996.
- Krynen J.* L'empire du roi. Idées et croyances politiques en France XIII-XV siècle. P., 1993.
- Le Fèvre de Saint-Rémy J.* Chronique. P., 1876-1881. Vol. 1.
- Цатурова С.К.* Формирование института государственной службы во Франции XIII-XV веков. М., 2012. [*Tsaturova S.K.* Formirovanie instituta gosudarstvennoj sluzhby vo Francii XIII-XV vekov. M., 2012].
- Цатурова С.К.* «Король – чиновник, священная особа или осел на троне?»: представления об обязанностях короля во Франции XIV-XV вв. // Искусство власти. Сборник в честь профессора Н. А. Хачатурян. СПб., 2007. [*Tsaturova S.K.* «Korol' – chinovnik, svjashhennaja osoba ili osel na trone?»: predstavlenija ob objazannostjah korolja vo Francii XIV-XV vv. // Iskusstvo vlasti. Sbornik v chest' professora N.A. Nachaturjan. SPb., 2007].
- Georges Chastelain, Jean Molinet // Et c'est la fin pour quoy sommes ensemble. Hommage à Jean Dufournet. P., 1993. T. 3.
- Basin Th.* Histoire de Louis XI / Ed. Ch. Samaran. P., 1963-1972. Vol. 2.
- Die Protokollbücher des Ordens vom Goldenen Vlies. Stuttgart, 2001-2003. Bd. 2.
- Асейнов Р.М.* «Милостью Божьей герцог Бургундии»: представления о власти герцога в бургундской политической мысли // СВ. 2012. Вып. 73 (1-2). [*Asejnov R.M.* «Milost'ju Bozh'ej gercog Burgundii»: predstavlenija o vlasti gercoga v burgundskoj politicheskoj mysli // Srednie veka. 2012. Vyp. 73 (1-2)].
- Paravicini W.* Le temps retrouvé? Philippe le Bon à Paris en 1461 // Paris, capitale des ducs de Bourgogne. Ostfildern, 2007.
- Small G.* Clio à la cour de Bourgogne au XVe siècle // La Librairie des ducs de Bourgogne. Manuscrits conservés à la Bibliothèque royale de Belgique. Turnhout, 2009. Vol. 4.
- Berthier M.-Th., Sweeney J.-Th.* Le chancelier Rolin (1376-1462). Ambition, pouvoir et fortune en Bourgogne. Dijon, 1998.
- Носова Е.И.* Новая знать при бургундском дворе: семья Роленов // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2010. Серия 2. № 2. [*Nosova E.I.* Novaja znat' pri burgundskom dvore: sem'ja Rolenov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2010. Serija 2. № 2].
- Paravicini W.* «Acquérir sa grâce pour le temps advenir». Les hommes de Charles le Téméraire, prince héritier (1433-1467) // A l'ombre du pouvoir. Les entourages princiers au Moyen Age. Liège, 2003.

Малинин Ю.П. Общественно-политическая мысль позднесредневековой Франции XIV-XV вв. СПб., 2000. [*Malinin Ju.P.* Obshhestvenno-politicheskaja mysl' pozdnesrednevekovoј Francii XIV-XV vv. SPb., 2000].

Favier J. Louis XI. P., 2001.

Эрс Ж. Людовик XI. Ремесло короля. М., 2007. [*Jers Zh.* Ljudovik XI. Remeslo korolja. M., 2007].

Armstrong C.A.J. The Golden Age of Burgundy. Dukes that outdid Kings // The courts of Europe. Politics, Patronage and Royalty. 1400-1800. L., 1977.

Масиель Санчес Л.К. Придворная одиссея одного кастильского идадьго XV века // Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель среда. М., СПб., 2001. [*Masiel' Sanches L.K.* Pridvornaja odisseja odnogo kastil'skogo idal'go XV veka // Dvor monarha v srednevekovoј Evrope: javlenie, model' sreda. V., SPb., 2001].

Dubois H. Charles le Téméraire. P., 2004.

Blanchard J. Le corps du roi: mélancolie et «recréation». Implications médicales et culturelles du loisir des princes à la fin du Moyen Age // Représentation, pouvoir et royauté à la fin du Moyen Age. P., 1995.

Blanchard J. Commynes l'Européen. L'invention du politique. Genève, 1996.

Paravicini W. Guy de Brimeu: Der burgundische Staat und seine adlige Führungsschichte unter Karl dem Kuhnem. Bonn, 1975.

Хачатурян Н.А. Бургундский двор и его властные функции в трактате Оливье де Ла Марша // Двор монарха в средневековой Европе явление, модель среда. М., СПб., 2001. [*Hachaturjan N.A.* Burgundskij dvor i ego vlastnye funkcii v traktate Oliv'e de La Marsha // Dvor monarha v srednevekovoј Evrope: javlenie, model' sreda. M., SPb., 2001].

Boone M. Destroying and Reconstructing the City: The Inculcation and Arrogation of Princely Power in the burgundian-Habsburg Netherlands (14th–16th Centuries) // The Propagation of Power in the Medieval West. Groningen, 1997.

Wolff H. Histoire et pédagogie princière au XV siècle: Georges Chastelain // Culture et pouvoir au temps de l'Humanisme et de la Renaissance. Genève, P., 1978